

ЧЕЛОВЕК В ВИРТУАЛЬНЫХ СЕТЯХ. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ «ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗРЫВА»

В.И. Игнатьев,

Е.А. Пальцева

Новосибирский государственный
технический университет,
Новосибирск, Россия

ighnatiev.v@inbox.ru

eelis72@mail.ru

В статье анализируется ряд социальных и антропологических последствий резкого роста информационных потоков, которые приобрели с середины XX века характер «информационного взрыва». Анализ проводится путем выявления в постмодернистских концепциях таких важнейших характеристик постиндустриального общества, которые сближают эти концепции с теориями информационного общества, что делает возможным их концептуальный синтез. Авторы показывают, что не используемый в явном виде информационный подход представлен в работах постмодернистов описаниями особого типа общества, живущего и воспроизводящего себя преимущественно в виртуальной реальности на основе массового производства знаково-символических артефактов – знаков, символов, значений и смыслов, агрегированных в потоки информации. Информационные потоки выступают как основной «строительный материал» и ресурс для создания символического информационно-коммуникативного пространства. Выявлены следующие особенности общества, возникшего после информационного взрыва: произошло изменение содержательной стороны коммуникации; символический мир становится для человека всё более неузнаваемым; происходит обезличивание социальных кодов; возникают виртуальные страты; человек переживает информационную травму сознания; человеческое существование становится фрагментарным; наступает «информационная пизофрения»; возникает синдром «интеллектуального вымирания» человека; появляется «нормальная аномия».

Ключевые слова: информация, информационный взрыв, символический мир, постмодернизм, теории информационного общества, коммуникации, социальная реальность.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-84-94

Вызванный бурным развитием техники и потребностью в новом знании информационный взрыв открыл для информации новые возможности влиять на современную цивилизацию. Информация вторглась во все ткани социального. Знаки, символы и смыслы находятся в резонансе с предметным миром, что вызывает экспоненциальный рост информации. Информационный резонанс трансформирует систему социального взаимодействия. Происходящая в ней мутация меняет местами первичное и

вторичное в целях и мотивах действующих индивидов, перестраивая механизм воспроизводства социального порядка. Общество как на глобальном, так и на региональном и локальном уровнях всё более утрачивает системное качество, с трудом сохраняя главные свойства социального – упорядоченность и предсказуемость взаимодействий людей. В информационном потоке социум всё более становится проектом, а индивиды превращаются в объекты проектирования.

Такие радикальные изменения в основаниях социального мироустройства неизбежно влекут за собой и преобразование социальной онтологии современности. На наш взгляд, в социальной теории назревает новая парадигмальная революция: переход общества в стадию «общества знания», «информационного общества». Начало этому было положено в философии и социологии работами представителей постмодернизма, но концептуальный прорыв связан, на наш взгляд, с именами М. Кастельса и С. Лэша [11, 28].

При этом уже не одно десятилетие продолжается критика прежде всего методологии постмодернизма как не вполне состоявшейся перспективы объяснения специфики общества современного типа. Иногда эта критика становилась похожей на моду в методологическом и онтологическом дискурсах. Такое отношение к постмодернизму сохраняется, например, в некоторых современных полемических социологических публикациях. Так, А.Г. Шелкин утверждает: «Что касается результативности “эпистемологической революции” постмодернистов, то печальная, но закономерная правда этой истории состоит в том, что инициаторы “постмодернистской волны” не рискнули дать социологические версии современного социума даже в терминах их “новояза”» [24, с. 121].

Не согласимся со столь категорическим заявлением и негативным отношением к созданным в постмодернистской традиции концептуальным моделям современного общества. Эти модели и особенно глубокие и яркие описания, действительно зачастую полные метафоричных авторских высказываний, интересны и эвристичны тем, что в значительной степени учитывают фактор тотального вторжения информации в фор-

ме символов, знаков, значений и смыслов во все структуры социального бытия. Вероятно, есть основания упрекать постмодернистов за радикальный эклектизм и даже «экстремизм» в методологии, ярким примером которого может служить акторно-сетевая теория Б. Латура [13]. Но качественную определенность, сущность современности, состоящую в *перестройке принципа и способа воспроизводства социального порядка* – тотальном переходе от принципа субординации (вертикали) к принципу координации («горизонтальной сборки» ассоциаций) – в концепциях постмодернизма удалось продемонстрировать так детально и объемно, как ни в одной другой онтологии.

Это получило, в частности, воплощение в особой методологии – «метод-сборке» (Дж. Ло) и обосновании «социологии ассоциаций» как продолжении «социологии социального» (Б. Латур) [Там же, с. 356, 357; 15, с. 89–93]. Более того, созданная постмодернистами социальная онтология не только не противоречит прочим теоретическим моделям современности (М. Кастельса, С. Лэша, Э. Тоффлера, А. Турена, Д. Белла, М. Эпштейна, Э. Гидденса, У. Бекка, Д.В. Иванова и др.), но вполне совместима с ними по принципу дополнительности. В ряде случаев происходит своеобразная «переключка» в рамках одного и того же предметного поля. Об этом, например, свидетельствуют взятые в сопоставлении работы Э. Тоффлера и Ж. Бодрийяра, Ж. Бодрийяра и З. Баумана, М. Эпштейна и М. Кастельса. Сравнивая тексты этих авторов, приходишь к выводу, что представленные в них характеристики устройства общества нового типа могут быть интегрированы, а затем развернуты в синтетическую онтологию с многослойной и объемной картиной социальной реальности.

И основой этого синтеза может стать информационный подход к интерпретации качественной специфики современности, который латентно присутствует в ряде постмодернистских концепций, на что будет обращено внимание в предлагаемой статье. Как писал уже в одной из своих ранних работ Ж.-Ф. Лиотар, «в форме информационного товара, необходимого для усиления производительной мощи, знание уже является и будет важнейшей, а может быть, самой значительной ставкой в мировом соперничестве за власть» [14, с. 20].

Будучи ограниченными рамками журнальной статьи, постараемся на нескольких примерах показать, что не используемый явным образом в этих работах информационный подход присутствует в виде описаний общества как символического коммуникативного пространства. На их основе конструируется альтернативная модель современности как особого знаково-символического мира – параллельного мира виртуальной реальности.

* * *

Прежде всего обратим внимание на происходящее вслед за информационным взрывом увеличение в современном обществе количества знаков и символов. Это приводит к тому, что *изменяется содержательная сторона коммуникации*. И именно этот процесс становится одним из центральных предметов рассмотрения в философии и социологии постмодерности. Смыслы превращаются во всё более поверхностные суждения. Возникает *ситуация «смысловой пустоты»*. Человек перестает интересоваться тем, кто подготовил информацию и с какой целью. Его реакция на информацию всё больше заменяет его действие, основанное на осмыслении информации. При

этом постоянное стимулирование реакций, не связанных с действиями, опустошает человека [17, с. 118–119]. Мы живем, по мнению Э. Тоффлера, в новой клип-культуре [20, с. 277–280]. Клип-культура – это культура, обладающая разорванными, лишёнными смысла образами, «кадрами», «клипами». Хотя на заре компьютерной эры Э. Тоффлер верил, что компьютерные коммуникации станут новым средством борьбы против клип-культуры, поскольку компьютер поможет организовать и синтезировать «крупницы информации» в конкретные модели реальности, что приведет к трансформации сознания индивидов. Под влиянием «поумневшей» социальной среды, прогнозировал Э. Тоффлер, умнее станут и сами люди, «расширится» их головной мозг [20, с. 292–293].

Феномен клип-культуры занимает большое место в научной литературе и, как многие явления современного мира, рассматривается как междисциплинарная проблема, которая находится в стадии уточнения самого определения и более четкого осмысления содержания понятия. Большинство исследователей пишут о клип-культуре, или клиповом мышлении, как негативном последствии новой информационной эры. Так, по мнению Маклюэна, «развитие электронных средств коммуникации возвращает человеческое мышление к дотекстовой эпохе, и линейная последовательность знаков перестает быть базой культуры» [16]. Отмечаются такие негативные последствия, как разрозненность сознания, отсутствие системности в мышлении, мозаичность сознания, поверхностность знания и т. д. Такие характеристики присущи, с точки зрения исследователей, молодым людям поколения 90-х. Но можно отметить и другую оценку этого феномена как своеобразной

защитной реакции организма на информационную перегрузку, некой адаптационной стратегии.

Появлению клипового мышления способствовали, с точки зрения К.Г. Фрумкина, следующие пять факторов: 1) ускорение темпов жизни, что, в свою очередь, порождает возрастание объема информационного потока и, как следствие, проблематику отбора и сокращения информации; 2) потребность в большей актуальности информации и скорости ее поступления; 3) увеличение разнообразия поступающей информации; 4) увеличение количества дел, которыми один человек занимается одновременно; 5) рост диалогичности на разных уровнях социальной системы [23]. Т. Семеновских использует следующее определение: «клиповое мышление – это процесс отражения множества разнообразных свойств объектов без учета связей между ними, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира» [18]. А. Розен считает, что этот феномен присущ поколению «I» («iGeneration»). Это молодые люди, рожденные в 90-х годах и воспитанные в эпоху компьютерных и коммуникационных технологий. Положительной стороной клипового мышления становится способность молодого поколения к многозадачности [29].

Происходит, по мнению Ж. Бодрийера, процесс *обезличивания кодов*, их подмены, исчезновения, что характерно для чистой симуляции. Симулякр олицетворяет подмену слова и конвенциональных значений. В итоге *мир символики, как носителя значений,*

становится неузнаваемым для человека [3]. Агентами виртуального социального пространства выступают особые сообщества, которые мы предлагаем обозначать как «*виртуальные страты*». Их мир – это симуляция социальных структур и имитация социальных практик [10]. К представителям этих страт могут быть отнесены исполнители социальных ролей в пространстве виртуальной экономики, выявленные и описанные Д.В. Ивановым, хотя он и не использует понятие «виртуальные страты» [9, с. 159–168]. Это финансовые спекулянты – профессиональная общность игроков на бирже. Они сами создают ситуации нестабильности и непредвиденных последствий на рынке, манипулируя сознанием экономических агентов, но не через экономические механизмы, а через каналы коммуникаций, управляя мнением, мотивами и оценками, предлагая контрагентам выгодные для себя проекты виртуальных практик. Фондовые спекулянты из маргиналов реальной экономики превращаются во влиятельную страту, воздействующую на поведение других агентов через создание в каналах коммуникаций мифа о дефиците денег. К ним присоединяются инвесторы-любители, не понимающие, куда их вкладывать. Все они заводят рынок реальных инвестиций в виртуальный тупик. Наступает время очередного хаоса. А эти новые виртуальные страты находят свою идентичность и перестают быть маргиналами.

В мире «символического капитализма» [7] на рынке всё более обращаются не реальные вещи, а их образы. Экономический процесс перемещается к маркетологам-консультантам, в рекламные агентства и студии масс-медиа. Доля занятых в первичном и вторичном секторах экономики снижается, доля занятых в сфере услуг –

растет [9, с. 160]. Виртуальные страты превращают экономику в мир доминирования симуляций вещей над собственно вещами. Происходит симуляция инноваций. Появляются виртуальные производители как новый тип агентов рынка. Они производят симулятивные экономические практики, конструируют образы-симулякры. В эту страту входят офисные дизайнеры, специалисты по корпоративному имиджу, PR-менеджеры и т. п. [Там же, с. 163]. Возникает сообщество «виртуально платежеспособных», у которых наличие денег заменяется образом возможного их наличия. Роль в этом образе симулируют и актуализируют и частные лица, и лица финансовых организаций, и игроки на биржах, и сам банк как деловое сообщество [Там же, с. 166–167]. Превращение денег как социального отношения в симулякр приводит к появлению все новых представителей этой виртуальной страты – виртуальных плательщиков, кредиторов, заемщиков.

К новейшим представителями сообщества виртуальных страт можно отнести агентов особой, новейшей формы современного капитализма, описанного Д.В. Ивановым в его концепции «глэм-капитализма» [8, с. 87–91]. Глэм-капиталисты тратят усилия на создание продуктов для потребителей гламура. К ним относятся «креативный класс» и «бобос» (*bourgeois bohemians*). «Креативный класс» – это художники, писатели, музыканты, ученые, актеры, инженеры, дизайнеры, финансисты, менеджеры, юристы, врачи. Через коммуникации они формируют гламурный тип потребления у звезд шоу-бизнеса, спекулянтов и топ-менеджеров.

Симуляция ведет к совмещению в сознании индивидов всего реального с моделями симуляции. При этом исчезает различие между симуляцией и реальными про-

цессами. Реальное, замечает Бодрийяр, не обязано более быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется с некоей идеальной или негативной инстанцией, оно только операционально [4, с. 11]. Речь идет о субституции, подмене реального *знаками реального* [3, с. 11]. Устранение этого реального порождает главным образом создание его *операционального знакового двойника*. Информационное общество становится сравнимым с «обществом спектакля», в свое время описанным Ги Дебором [6, с. 31]. Человек «общества спектакля», типаж которого был изучен И. Гофманом, всегда есть потенциальный драматург, желающий манипулировать другими и расставлять персонажи по своему усмотрению [5, с. 211].

Такие феномены, как «означающие», «симулякры», «гиперреальность» и «виртуальная реальность», отражают, в терминологии М. Эпштейна, *травмированность сознания* [25, с. 188]. Восприятие индивидом мира становится парадоксальным: видение заменилось смотрением, слушание – слышанием. А что происходит в итоге такой трансформации не только восприятия социальной реальности, но и механизма воспроизводства социума? Мы можем видеть перед собой модель будущей формы контролируемой социализации: скопление в одном гомогенном пространстве-времени всех разрозненных функций социального тела и жизни, пространство-время целой операциональной симуляции социальной жизни [4, с. 1].

* * *

Что же происходит в таком плотном пространстве переплетения знаков и смыслов с индивидом, его субъектностью? Идет процесс «дробления» человека. Возника-

ет новая правящая элита [1, с. XI, XII]. Сетевые технологии нацелены на формирование «индивидуализированной массы», фрагментированной по целевому назначению в глобальной системе интегрированных коммуникаций. Происходят процессы *демассификации* [20, с. 266]. Сегодня уже не массы людей получают одну и ту же информацию, а *небольшие группы* населения обмениваются *созданными ими самими* образами. Индивид из пассивно воспринимающего информацию превращается в активного интерактивного субъекта. Электронная коммуникация порождает новую культуру – культуру реальной виртуальности [11, с. 351–353]. Современные мультимедиа – это слияние глобализированных и ориентированных на индивидуальные заказы СМИ и компьютерных коммуникаций. *Мир мультимедиа*, полагает М. Кастельс, *населен двумя различными популяциями*: взаимодействующей (активной), соответствующей реалиям виртуального общества, и включенной во взаимодействие (пассивной), не соответствующей реалиям виртуального общества [Там же, с. 314–351].

В свое время А. Турен обратил внимание на уменьшение степени интеграции современного общества. Она соответствует менее простой, менее механической, менее стабильной модели организации [22, с. 40]. Описание подобного состояния общества, обозначенного им как инволюция, можно обнаружить у М. Эпштейна. Инволюция – это свертывание и одновременное усложнение культуры, это ее уплотненные формы, возникновение ее метаязыков [Там же, с. 192]. Метаязыки культуры постоянно множатся, что приводит к дальнейшей специализации культуры и локализации субкультур. Множество субкультур выступает с притязаниями стать полноценными культу-

рами и заменить собой общечеловеческую культуру. В результате единая культурная связь между поколениями утрачивается, а обществу, предупреждает М. Эпштейн (цитируя В. Виндельбанда), «грозит опасность распада на группы и атомы, связанные уже не духовным пониманием, а внешней нуждой и необходимостью» [25, с. 194]. Следствием этого становится человеческая фрагментарность, разорванность внутренних идентичностей, бесконечность продуцируемых желаний и «одноразовых» взаимопотреблений [17, с. 114].

Главной культурной ценностью становится ценность индивидуализма [2]. Современный человек дезориентирован, поскольку события беспредельны и бесконтрольны, носят случайный характер. Индивид всё менее способен контролировать собственную судьбу. Человечество впадает в состояние *информационной шизофрении* [25, с. 193]. Происходит неадекватное восприятие подлинной реальности. Э. Тоффлер в свое время нашел очень точную метафору для обозначения ситуации, в которую попадает современный человек, – состояние футурошока [21, с. 144]. В сознании *стирается грань между реальным и нереальным*. В результате виртуальный мир становится для индивида единственной реальностью. Коммуникации, с одной стороны, приобретают более глобальный и масштабный характер, но с другой – уводят человека всё дальше от подлинной коммуникации с миром, ведут к искажению истинной картины мира, к *замене ее квазиреальностями*.

Современное общество продолжает подвергаться ударам «цунами» после нескончаемых «информационных взрывов». Но, несмотря на то что на человека обрушивается огромное количество информации, она мгновенно забывается. Возника-

ет ощущение, что информация постоянно убывает, исчезает, создавая при этом помехи и шумы, засоряющие пространство жизненного мира человека. *Социум находится в режиме теперь уже устойчивого и постоянного информационного резонанса* [27]. Его последствия для человека и социальной структуры обрели четкие контуры.

Информационные технологии не просто ускоряют потоки сведений, но и трансформируют их глубинную структуру. Темп производства информации возрастает многократно. Подвергаясь мощной информационной бомбардировке, человек не успевает ее осмысливать, анализировать и систематизировать. В результате возникает проблема непонимания информации, снижения ее критического осмысления. Как следствие, обостряется проблема отчуждения человека от человечества. *Реальность* начинает исчезать. Индивид получает психическую травму. Этот травматизм вызван диспропорцией между человеком, чьи возможности биологически ограничены, и человечеством, которое не ограничено в своей технико-информационной экспансии [25, с. 185]. Травмирующий процесс идет под воздействием СМИ, нарастающий натиск которых парализовал у людей способность восприятия информации. Избыток разнообразия ведет к травме. Экранные образы заполняют органы восприятия, но индивиды не в состоянии их осмыслить и целенаправленно использовать [22, с. 191]. Происходит *«интеллектуальное вымирание»* человечества, поскольку оно лишается всеобъемлющей способности понимать [25, с. 191, 193]. Гипертрофированно разросшаяся информация начинает плодить невежество, быстротечные реакции масс. Она ускользает из поля зрения человека. Происходит *самофрагментация смыслов* и

интерсубъективных кодов. Сам человек в этом случае становится «точкой исчезновения», и наступление *момента сингулярности* не кажется уж столь фантастичным вариантом постчеловечества [19].

В отличие от предыдущих эпох, в современном обществе индивиду предлагается огромное количество разных и нередко противоречивых ценностей, норм, моделей поведения. В результате появляется и нарастает *«аномальная» аномия*, становясь нормой – *«нормальной аномией»* [12]. Нормой жизни современного человека и неизбежным условием соответствия требованиям повседневности стала его готовность принимать риски [26, р. 63]. «Рискофобия» как массовое настроение в повседневной жизни современных людей уживается с расширяющейся экспансией «рискофилии», которая становится разновидностью «нормальной аномии» в структуре повседневных, особенно молодежных практик [12]. У людей отсутствует уверенность в завтрашнем дне, они живут в неких виртуальных состояниях, рисуя себе в воображении иллюзорные картины мира. Виртуальное в поведении личности проявляется в том, что оно становится неадекватным, лишенным связи с действительностью. Происходит переход от «социальной действительности» в мир вымышленной «социальной реальности» [10, с. 94].

Социальная действительность растворяется в спектакле социальной реальности. Виртуализируемое общество – это общество спектакля, в котором взаимодействия между индивидами становятся театрализованными. И это виртуализируемое общество утрачивает фундаментальное качество человеческой социальности – нормативно-смысловую регуляцию индивидуального поведения.

Литература

1. *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
3. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального [Электронный ресурс]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/73140/Bodriiyyar_-_V_teni_molchalivogo_bol%27shinstva%2C_ili_Konec_social%27nogo.html (дата обращения: 16.10.2017).
4. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции // *Философия эпохи постмодерна.* – Минск, 1996. – С. 32–47.
5. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. – 304 с.
6. *Дебор Г.* Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. – М.: Логос, 2000. – 184 с.
7. *Деменок С.А.* Символический капитализм: материализация символа. – СПб.: Страта, 2015. – 202 с.
8. *Иванов Д.В.* Глэм-капитализм. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. – 176 с.
9. *Иванов Д.В.* Императив виртуализации: современные теории общественных изменений. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – 212 с.
10. *Игнатьев В.И.* Информационный резонанс в социальной системе // *Идеи и идеалы.* – 2012. – № 3 (13), т. 1. – С. 92–103.
11. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. – 607 с.
12. *Кравченко С.А.* Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // *Социологические исследования.* – 2017. – № 2. – С. 3–13.
13. *Латуф Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: ИД ВШЭ, 2014. – 384 с.
14. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. – СПб.: Алетейя, 2015. – 160 с.
15. *Ло Д.* После метода: беспорядок и социальная наука. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 352 с.
16. *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: становление человека печатающего. – М.: Академический проект, 2005. – 496 с.
17. *Мальковская И.А.* Многоликий Янус открытого общества: опыт критического осмысления ликова общества в эпоху глобализации. – М.: КомКнига, 2005. – 272 с.
18. *Семеновских Т.В.* Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде [Электронный ресурс] // *Науковедение: интернет-журнал.* – 2014. – № 5 (24). – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf> (дата обращения: 16.10.2017).
19. *Сингулярность: образы «постчеловечества»* / сост. К.Г. Фрумкин. – М.: Алгоритм, 2016. – 320 с.
20. *Гоффлер Э.* Третья волна: пер. с англ. – М.: АСТ, 1999. – 783 с.
21. *Гоффлер Э.* Шок будущего: пер. с англ. – М.: АСТ, 2001. – 560 с.
22. *Турен А.* Рождение программированного общества // *Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии.* – М.: Научный мир, 1998. – С. 87.
23. *Фрумкин К.Г.* Клиповое мышление и судьба линейного текста [Электронный ресурс]. – URL: http://nounivers.narod.ru/ofirs/kf_clip.htm (дата обращения: 17.10.2017).
24. *Щелкин А.Г.* Постмодернизм в социологии. О ненавязчивых последствиях одной социологической моды // *Социологические исследования.* – 2017. – № 2. – С. 120–130.
25. *Энштейн М.* Информационный взрыв и травма постмодерна // *Информационное общество: экономика, власть, культура: хрестоматия: в 2 ч.* / сост. В.И. Игнатьев, Е.А. Салихова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. – Ч. 2. – С. 183–196.
26. *Giddens A.* Runaway world: how globalisation is reshaping our lives. – London: Profile Books, 2002. – 104 p.

27. *Ignatyev V.I.* The information resonance in social system: monograph. – Novosibirsk: NSTU Publ., 2016. – 287 p.

28. *Lash S.* Critique of information. – London; Thousand OAKS, CA: SAGE, 2002. – 234 p.

29. *Rosen L.* Me, MySpace, and I: parenting the net generation. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 258 p.

A HUMAN IN VIRTUAL NETWORKS. LIFE AFTER THE “INFORMATION EXPLOSION”

V.I. Ignatyev,

E.A. Paltseva

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russian Federation

ighnatiev.v@inbox.ru

eelis72@mail.ru

This article analyzes a number of social and anthropological implications of the sharp increase in the flow of information, which have acquired since the mid-20th century the character of “information explosion”. The authors analyze the postmodern concepts by identifying major characteristics of post-industrial society that brings these concepts together with the theories of the information society. The authors substantiate the hypothesis that, on the basis of the convergence of certain postmodern concepts with the theories of the information society there can be conceptual synthesis. The authors show that the informational approach, which is not used explicitly, is present in the works of post-modern artists as the concept of a special type of society, a society living and reproducing itself mostly in virtual reality based on mass production of sign-symbolic artifacts - signs, symbols, values and meanings, aggregated into streams of information. Information flows are the main “building material” and a resource for the construction of symbolic information and communicative space. The authors identified the following characteristics of the society after the “information explosion”: there is a change in the content of communication; the symbolic world becomes increasingly unrecognizable for a human being; there is depersonalization of social codes; virtual strata appear; people experience information trauma of consciousness; human existence becomes fragmented; “information schizophrenia” sets in; “intellectual extinction” of mankind syndrome shows up; and then comes “normal anomie”.

Keywords: information, the information explosion, the symbolic world, postmodernism, information society theory, communication, social reality.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-84-94

References

1. Bard A., Söderqvist J. *Netocracy: the new power elite and life after capitalism*. London ; New York, Pearson Education, 2002 (Russ. ed.: Bard A., Zoderkvist Ya. *Netokratiya: novaya pravyashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma*. St. Petersburg, Stockholm School of Economics in Russia, 2004. 252 p.).

2. Bauman Z. *The individualized society*. Cambridge, Polity Press, 2001 (Russ. ed.: Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow, Logos Publ., 2002. 390 p.).

3. Baudrillard J. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the shadow of the silent majority or end social]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2000. (In Russian). Available at: <https://www.e-reading.club/bookreader>.

php/73140/Bodriiayar_-_V_teni_molchalivogo_bol%27shinstva%2C_ili_Konec_social%27nogo.html (accessed 16.10.2017).

4. Baudrillard J. Simulyakry i simulyatsii [Simulation and simulation]. *Filosofiya epokhi postmoderna* [Post-modern philosophy]. Minsk, 1996, pp. 32–47. (In Russian).

5. Goffman E. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [The presentation self in every day life]. Translated from English A.D. Kovalev. Moscow, Kanon-press-Ts Publ., Kuchkovo pole Publ., 2000. 304 p. (In Russian).

6. Debord G. *La Société du spectacle* [Society of the spectacle]. Paris, Gallimard, 1969 (Russ. ed.: Debor Gi. *Obshchestvo spektaklya*. Translated from French by S. Ofertas, M. Yakubovich. Moscow, Logos Publ., 2000. 184 p.).

7. Demenok S.L. *Simvolicheskiy kapitalizm: materializatsiya simbola* [Symbolic of capitalism: the materialization of the symbol]. St. Petersburg, Strata Publ., 2015. 202 p.

8. Ivanov D.V. *Glem-kapitalizm* [Glam-capitalism]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2008. 176 p.

9. Ivanov D.V. *Imperativ virtualizatsii: sovremennye teorii obshchestvennykh izmenenii* [The virtualization imperative: modern theories of social change]. St. Petersburg, SPBU Publ., 2002. 212 p.

10. Ignat'ev V.I. Informatsionnyi rezonans v sotsial'noi sisteme [Information resonance in a social system]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2012, no. 3 (13), vol. 1, pp. 92–103.

11. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information age: economy, society and culture]. Translated from English. Moscow, HSE Publ., 2000. 608 p. (In Russian)

12. Kravchenko S.A. Sosushchestvovanie riskofobii i riskofilii – proyavlenie “normal'noi anomii” [The coexistence of riskophobia and riskophilia – an expression of “normal anomie”]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological studies*, 2017, no. 2, pp. 3–13.

13. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network theory*. Oxford, Oxford University Press, 2005 (Russ. ed.: Latur B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Moscow, HSE Publ., 2014. 384 p.).

14. Lyotard J.-F. *La condition postmoderne* [The postmodern condition]. Paris, Les Éditions de Minuit, 1979 (Russ. ed.: Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2015. 160 p.).

15. Law J. *After method: mess in social science research*. London, New York, Routledge, 2004 (Russ. ed.: Lo D. *Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2015. 352 p.).

16. McLuhan M. *The Gutenberg galaxy: the making of typographic man*. Toronto, University of Toronto Press, 1962 (Russ. ed.: Maklyuen M. *Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka pechatayushchego*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 496 p.).

17. Mal'kovskaya I.A. *Mnogolikiy Yanus otkrytogo obshchestva: opyt kriticheskogo osmysleniya likov obshchestva v epokhu globalizatsii* [Multifaced Janus open society: experience critical thinking society faces in an era of globalization]. Moscow, KomKniga Publ., 2005. 272 p.

18. Semenovskikh T.V. Fenomen “klipovogo myshleniya” v obrazovatel'noi vuzovskoi srede [The phenomenon of “clip-thinking” in the educational high school environment]. *Naukovedenie: internet-zhurnal*, 2014, no. 5 (24). Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf> (accessed 16.10.2017).

19. Frumkin K.G., comp. *Singulyarnost': obrazy “postchelovechestva”* [Images of “postchlovechestva”]. Moscow, Algoritm Publ., 2016. 320 p.

20. Toffler A. *The third wave*. New York, Morrow, 1980 (Russ. ed.: Toffler E. *Tret'ya volna*. Translation from English. Moscow, AST Publ., 1999. 783 p.).

21. Toffler A. *Future Shock*. New York, Random House, 1970 (Russ. ed.: Toffler E. *Shok budushchego*. Translation from English. Moscow, AST Publ., 2001. 560 p.).

22. Touraine A. Rozhdenie programmirovannogo obshchestva [The birth of programmed society]. Turen A. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego: ocherk sotsiologii* [Return of the actor: social theory in postindustrial society]. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 1998, p. 87. (In Russian).

23. Frumkin K.G. *Klipovoe myshlenie i sud'ba lineinogo teksta* [Clip-thinking and the fate of linear text]. Available at: http://nounivers.narod.ru/ofirs/kf_clip.htm (accessed 17.10.2017).

24. Shchelkin A.G. Postmodernizm v sotsiologii. O nenavyazchivyykh posledstviyakh odnoi sotsiologicheskoi mody [Postmodernism in sociology. On unobtrusive consequences of a recent sociological fashion]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2017, no. 2, pp. 120–130.
25. Epshtein M. Informatsionnyi vzryv i travma postmoderna [Information explosion and injury of the postmodern]. *Informatsionnoe obshchestvo: ekonomika, vlast', kul'tura* [Information society: economy, power, and culture]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2004, pt. 2, pp. 183–196.
26. Giddens A. *Runaway world: how globalisation is reshaping our lives*. London, Profile Books, 2002. 104 p.
27. Ignatyev V.I. *The information resonance in social system*. monograph. Novosibirsk, NSTU Publ., 2016. 287 p.
28. Lash S. *Critique of information*. London, Thousand OAKS, CA, SAGE, 2002. 234 p.
29. Rosen L. *Me, MySpace, and I: parenting the net generation*. New York, Palgrave Macmillan, 2007. 258 p.